

РУПАСОВ Александр Иванович / RUPASOV Alexander

Санкт-Петербургский институт истории, Российская академия наук / St. Petersburg
Institute of History, Russian Academy of Sciences
Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg
rupasov_ai@mail.ru

**«...МЫ ОТ ВАС ПОЧТИ НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧАЕМ».
«УСПЕХИ» СОВЕТСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ В ЭСТОНИИ В 1939–1940 гг.**

‘...WE GET ALMOST NOTHING FROM YOU.’ ‘SUCCESSSES’ OF THE SOVIET
INTELLIGENCE STATION IN ESTONIA IN 1939–40

Abstract: The article analyses documents of the so-called Tallinn residency (i. e. field station) of the foreign intelligence service of the People’s Commissariat for Internal Affairs of the USSR. These documents have been stored in a collection of the Estonian State Archives in Tallinn. These are mostly correspondence between V. Bochkariov, the chief of residency (the resident) in Tallinn, and P. M. Fitin, the chief of the 5th department of the Head Directorate of State Security of People’s Commissariat for Internal Affairs. Official reports by the resident and the letters by the head of the 5th department allow to get a clear idea of the network that the secret service had created by the autumn 1939 — summer 1940, decipher most of the operational pseudonyms of agents, and estimate the quality of the information obtained as well as possibilities of influencing internal policy in Estonia after the Soviet troops had arrived to its territory.

Ключевые слова / Keywords: Эстония, СССР, разведка, агентурная сеть, информация, 1939–1940 гг. / Estonia, USSR, intelligence, intelligence network, information, 1939–40

За минувшую четверть столетия исследователям стал доступен обширный комплекс документов, позволивший довольно детально проанализировать события и социально-политические процессы на востоке Балтики в начальный период Второй мировой войны. Значительное количество документов было опубликовано, в том числе переписка советских дипломатических миссий в Таллине, Риге и Каунасе, лишённая, правда, явно желательных комментариев¹. В восстановивших в начале 1990-х гг. свою независимость государствах Балтии ограниченность доступа к архивным фондам в Российской Федерации вынуждала исследователей довольствоваться материалами национальных архивов Эстонии, Латвии и Литвы. Половодье публикаций с трудом раздвигало изначально заданные хронологические рамки — 1939–1941 гг. Только в 2004 г. в Эстонии была опубликована пространная монография Магнуса Ильмъярва «Тихое подчинение»² (в том же году в значительно сокращённом варианте опубликованная на английском, что весьма эффективно

¹ Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. — август 1940 г. М., 1990.

² *Ilmjärvi M.* Hääletu alistumine. Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsiooni kujunemine ja iseseisvuse kaotus. 1920. aastate keskraigast anneksioonini. Tallinn, 2004.

отразилось на акцентировке ряда утверждений Илмъярва, а несколькими годами позже также в сокращённом варианте в переводе с английского на русский), охватывавшая весь межвоенный период, но вызывающая сомнения в профессионализме автора. За изданием этой работы последовало появление двух томов эстонских историков «Между миром и войной»³, в которых широко использовались советские материалы, в ряде случаев полностью переведённые на эстонский язык.

На фоне этих изданий выгодно отличается фундаментальное исследование двух других эстонских исследователей — Рейго Розенталя и Марко Тамминга, опубликованное в 2013 г. и посвящённое деятельности в Эстонии структур Коминтерна, советской разведки и эстонской коммунистической партии в межвоенный период, получившее звучащее название «Война до войны»⁴. Ими была проделана кропотливая работа, вызывающая искренне уважение к авторам. Вместе с тем проведение ими исследования было бы весьма затруднено, если бы в Государственном архиве Эстонии (*Eesti Riigiarhiivi Filiaal, Tallinn*) не сохранилась довольно обширная документация в Коллекции дел внешней разведки Комитета государственной безопасности Эстонской Советской Социалистической Республики (*ENSV Riikliku Julgeoleku Komitee välisluure toimikute kollektioon — ERAF 138SM*). Именно эти документы позволили им выявить создававшуюся в 1920–1940 гг. в Эстонии агентурную сеть, расшифровать практически все оперативные псевдонимы («клички»). Однако, они фактически отказались от оценки влияния т. н. мягкой силы на внутриполитические процессы в стране и оценки качества получаемой советской стороной информации, особенно в наиболее интригующий период советско-эстонских отношений — осень 1939 — лето 1940 г. В упомянутой коллекции сохранилось одно дело, в котором отложилась переписка руководства 5 отдела (иностранная разведка) Главного управления государственной безопасности НКВД с сотрудниками резидентуры в Эстонии именно в данный хронологический период («Дело переписки с Таллинской резидентурой»).

Начальником 5 Управления ГУГБ НКВД являлся с конца весны 1939 г. майор государственной безопасности Павел Михайлович Фитин, фигурировавший в переписке под именем «Виктор». Его адресатами были советник полпредства в Таллине Владимир Бочкарёв («Лад»), Валентин Рябов (второй секретарь полпредства, «Рене») и Арсений Исаков (пресс-атташе, «Рур»). Все они прибыли в столицу Эстонии 7 сентября 1939 г., а в конце октября их группа пополнилась шифровальщиком Сергеем Буяновым («Том»), на которого на первых порах

³ Sõja ja rahu vahel. Eesti julgeolekupoliitika 1940. aastani. Tallinn, 2004; Sõja ja rahu vahel. Esimene punane aasta. Okupeeritud Eesti julgeolekupoliitiline olukord sõja alguseni. Tallinn, 2010.

⁴ Rosenthal R., Tamming M. Sõda enne sõda. Nõukogude eriteenistuste tegevusest Eestis kuni 1940. aastani. Tallinn, 2013.

возлагалась «работа по прикрытию» (его, как указывало руководство, «после ознакомления с обстановкой, надо включить в работу резидентуры, поручив ему один из участков нашей работы»). Помимо переписки П. М. Фитина со своими подчиненными в дело были подшиты два документа — рукописный рапорт Бориса Рыбкина (Борис Ярцев, «Кин», бывший второй секретарь полпредства СССР в Финляндии, командированный в Эстонию во время Советско-финляндской войны в феврале 1940 г.) и машинопись этого же рапорта, выполненная в Москве. Помимо этого, в деле сохранились несколько документов центрального аппарата НКВД и Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области. Следует учитывать следующее обстоятельство: сама система переписки сотрудников резидентуры с руководством обусловила тот факт, что в архивное дело в большинстве подшиты не оригиналы документов. Порядок оформления почты руководством предписывался следующий: первый пакет — Ладо, второй — Ладо лично, третий — опечатывается печатями НКВД; оформление почты в Москву: первый пакет — лично Виктору, второй — в Палату мер и весов, третий — в адрес Наркоминдела. Письма должны были присылаться в двух экземплярах, по каждому вопросу отдельными пунктами, приложения к пунктам «конвертировались отдельно», со ссылкой на письмо и пункт. Кроме того, с января 1940 г. часть переписки, а позже и вся переписка осуществлялась на основе фотоматериалов. 9 ноября Бочкарёв сообщил в Москву: «В хозяйстве резидентуры имеются фото принадлежности для организации фотосвязи с Вами. Считаем, что нам необходимо будет наиболее важную часть письма передавать пленкой»⁵. Однако впервые «на плёнке» почта была отправлена в Москву только 9 января 1940 г., в связи с чем Бочкарёв просил руководство «дать подробную оценку» (ему было рекомендовано делать снимки при освещении двух ламп)⁶.

Направленные в Таллин сотрудники, судя по документам, не обладали сколько-нибудь достаточным опытом работы в разведке. Владимир Бочкарёв был выпускником социально-экономического факультета Киевского государственного университета и по окончании аспирантуры в 1936–1938 гг. работал в должности доцента на филологическом факультете университета. После обучения в Центральной школе ГУГБ НКВД в 1938–1939 гг. получил назначение

⁵ Eesti Riigiarhiivi Filiaal, Tallinn (далее — ERAF). 138SM/1/57/. L. 33. На письме сохранилась помета Фитина: «Фотографировать все письма, а не часть. Дать указания». В связи с этим заместитель начальника 9 отделения 5 отдела ГУГБ НКВД Чернотобов направил Фитину служебную записку: «В виду того, что в Таллинской резидентуре фотоаппарат “лейка” пришла в негодность, прошу Вашего разрешения тов. Максимова в выдаче из имеющихся в 5 отделе для указанной резидентуры другого аппарата и 100 метров пленки для фотографирования документов». (Ibid. L. 41). В деле сохранилась расписка «Рура» о том, что им получены «лейка», 300 метров плёнки и две линзы. (Ibid. L. 41).

⁶ Рапорт В. Бочкарёва П. М. Фитину. 9.1.1940: Ibid. L. 99.

в 5 управление ГУГБ. 25-летний Валентин Рябов поступил на службу в НКВД в 1938 г. Арсений Исаков, судя по переписке, оказался совсем не готовым к выполнению возлагавшихся на него задач⁷.

Срочность командирования в Эстонию Бочкарёва, Рябова и Исакова явно была обусловлена резким изменением внешнеполитической ситуации после нападения Германии на Польшу и рядом советских инициатив в отношениях с прибалтийскими государствами и Финляндией, за которой последовал ввод частей РККА в Эстонию, Латвию и Литву. Причём спешка была такая, что командируемых не успели в Москве ознакомить с необходимыми материалами, которые частично были пересланы им только 8 октября 1939 г.⁸ В этот же день руководство сформулировало основные задачи резидентуры: с каждой почтой присылать «обзоры о политическом и экономическом положении страны (настроение населения, экономическое состояние, настроение правительственных, промышленных, торговых кругов и интеллигенции)». Документы свидетельствуют, что повышенная секретность, стремление строго соблюдать инструкции «по прикрытию» повлекли неожиданный для руководства результат: от сотрудников резидентуры до начала ноября фактически не поступала требуемая информация. «Лудо» писал в Москву 9 ноября 1939 г.: «Докладываю, что отсутствие своевременной информации и взаимной связи явилось в результате строгого выполнения Вашей инструкции о том, что мне не следует ставить в известность полпреда о характере своей работы. В результате этого полпред только некоторое время спустя после своего возвращения из Москвы (в конце октября) сообщил мне, что у него имеется пакет предназначенный, вероятно, не ему (вторых конвертов он не вскрывал). 1-го ноября он передал второй пакет. Обратиться ко мне раньше он, по-видимому, не решался, поскольку наше поведение здесь исключало какой-либо намек на выполнение каких-либо иных функций в работе кроме официальных... В начале мы были очень обеспокоены отсутствием связи, но в дальнейшем решили, что возможно это вызвано необходимостью стопроцентной страховки в нашей работе в период заключения пакта с Эстонией⁹. При этом Бочкарёв в качестве своего рода

⁷ Бочкарёв сообщал в Москву: «Рур официально никакой работы не ведет и его служебное положение несколько неясное, хотя, к моему удивлению, полпред [Никитин] после нашего приезда сюда официально представил его в МИДе как “своего заместителя по торговой части” ... С начала приезда он изучает эстонские официальные экономические данные и в последнее время данные, которыми располагает торгпредство... Изучение экономических материалов проходит у него не особенно успешно, частично возможно в результате отсутствия достаточного опыта по определению оперативной значимости материалов» (Ibid. L.12).

⁸ Письмо от «Виктора» «Лудо» № 1 от 8.10.1939: Ibid. L. 3. При этом руководство выражало недовольство одним обстоятельством отъезда: «Нас удивляет одно обстоятельство, как это получилось, что Ваши жены остались без средств. Каждый из Вас перед отъездом получил большую сумму денег, а семьям Вы ничего не оставили. В связи с этим мы вынуждены жене Исакова выдать 1000 рублей. Сообщите, как это получилось?»

⁹ Ibid. L. 10.

достижения указывал: «... усиленное н[аружное]н[аблюдение] около полпредства и посещение консульства полицейской подставой свидетельствовало о желании эстонцев определить функции нашей работы. На сегодняшний день в результате принятых нами детально продуманных мер по “безобидности” и “обычности” поведения этот первоначальный интерес заметно понизился, что является одной из предпосылок для дальнейшего разворота вербовочной и агентурной работы»¹⁰.

Что касается требуемой руководством оценки ситуации в Эстонии, то Бочкарёв довольствовался изложением широко известной информации: «Предварительная краткая ситуация сейчас следующая: Накануне заключения пакта в кругах крупных промышленных и торговых кругов намечалась тенденция вывоза отсюда своих капиталов (первым пример подал местный миллионер Пукк) и перевода их в английские банки. После появления нашего самолета над Таллином в этих кругах началась буквальная паника, а правительственные круги пытались распространить слухи о предстоящей “красной резне”. Среди правительства царило явно замешательство, в частности в МИДе бывший заместитель Сельтера Эпик мне сказал, когда я был вызван туда¹¹ по поводу заявления протеста после полета нашего самолета, что “мы все всегда сделаем, мы готовы на всякие уступки”»¹². По вопросу о работе с агентурой, в Москву сообщалось 9 ноября: «По присланной ориентировке проверяем и устанавливаем агентуру. Ввиду отсутствия установщика эта работа несколько затруднена... Наши задачи и подходы направлены сейчас на приобретение крупной и полноценной агентуры, что требует серьезной и продуманной работы»¹³. Иными словами, успехов на этом пути не было. Сохранившиеся рапорты резидентуры позволяют утверждать, что аналитический уровень передаваемой в Москву информации оставлял желать лучшего и в дальнейшем.

И к концу ноября 1939 г. руководство в Москве оставалось неудовлетворенным итогами работы резидентуры. 25 ноября Фитин писал Бочкарёву: «Прошедший период времени дал вам возможность ознакомиться с обстановкой в стране и познакомиться рядом влиятельных общественных политических деятелей и с членами правительства. В дальнейшем Вам необходимо всемерно развивать в этих кругах знакомства. Изучать людей, после чего решительно приступить к вербовочной работе для насаждения агентуры в правительственных

¹⁰ Ibid. L. 11.

¹¹ Бочкарёв замещал находившегося в Москве полпреда Никитина.

¹² Ibid. L. 14. Если утверждения Бочкарёва соответствовали действительности («За время пребывания здесь военной делегации во главе с [командующим Ленинградским военным округом] Мерецковым мне также приходилось выдерживать совершенно тактичную линию, сглаживая в некоторых случаях слишком боевые тенденции отдельных военных товарищей»: Ibid. L. 15), то некоторыми качествами дипломата он обладал.

¹³ Ibid. L. 21.

и общественных кругах. Кроме этого, Вам необходимо продумать вопрос о вербовке крупных фигур из общественного, политического, коммерческого и дипломатического окружения, с последующей переброской их для нашей работы во Францию и Англию»¹⁴. С вербовкой «крупных фигур» у сотрудников резидентуры дело не заладилось.

По прошествии ещё одного месяца В. Бочкарёв в очередной раз получил выволочку от руководства. «Несмотря на то, что мы уже Вам писали о необходимости высылки нам обзоров о политическом и экономическом положении страны, — писал Фитин, — о настроениях правительственных, общественных и торгово-промышленных кругов, мы от Вас почти ничего не получаем. Необходимо также более подробно осветить правительственные и общественные настроения по вопросу о происходящих событиях в Финляндии. Налаживание агентурной работы идет слабо... Предлагаем Вам в ближайшее время представить нам Ваш оперативный план по вербовке новой агентуры из правительственных кругов и крупных общественно-политических деятелей с указанием конкретных практических мероприятий. Это необходимо сделать и по объектам иностранных разведок... Сообщите более подробные данные об антисоветских книгах, имеющихся в продаже, кто их автор в каком количестве и как они распродаются, в каких районах»¹⁵. Судя по письмам из Москвы, ситуация в таллинской резидентуре стала вызывать у руководства исключительное раздражение. 13 января Фитин в очередной раз разразился упреками в письме Бочкарёву: «Прошло уже четыре месяца как Вы находитесь в стране Вашего пребывания. Если подытожить результаты Вашей работы, то о них можно сказать очень мало... Ваша работа рассчитана на самотек, нет целеустремленности в работе. Получаемые от Вас информации по стране носят поверхностный характер, и использовать их мы ни в какой мере не можем. Нам совершенно не известен круг Ваших знакомых... не говоря уже о Ваших реальных и практических планах по разработке и вербовке интересующих нас объектов»¹⁶.

3 марта 1940 г. раздражение руководства низкими результатами работы резидентуры выплеснулось в крайне жёсткие формулировки очередного письма из Москвы: «Несмотря на полученное указание от нашего руководителя об активизации работы, Вы до сего времени не сообщили нам, что же практически сделано Вами в выполнении данных Вам указаний. За последнее время мы не получаем от Вас никакой информации. Нас интересует, как Вы работаете с агентурой, что она Вам дает, какие возможности имеет агент и его перспективы

¹⁴ Ibid. L. 34.

¹⁵ Письмо П. М. Фитина В. Бочкарёву («Лад»). 29.12.1939: Ibid. L. 96–97.

¹⁶ Письмо П. М. Фитина В. Бочкарёву («Лад»). 13.1.1940: Ibid. L. 110.

в работе по нашей линии... С момента Вашего отъезда прошло уже шесть месяцев. Если подытожить Вашу работу за этот период времени — можно сказать только, что все работники резидентуры по нашей линии ничего дельного не сделали. Это объясняется тем, что вы все свое внимание сосредоточили на выполнении работы по линии вашего прикрытия и считаете это основной работой. А вопрос развертывания непосредственно нашей работы отодвинули на задний план, дальше так продолжаться не может... В противном случае Вы будете отозваны домой, как не обеспечившие выполнение указаний руководства. Ваша бездеятельность... не дает нам возможности вскрыть все пружины антисоветской работы в стране Вашего пребывания, что лишает нас принять своевременно те или другие меры»¹⁷.

Содержание отложившихся в деле рапортов резидентуры не позволяет не согласиться с мнением руководства 5 отдела ГУГБ. В. Бочкарёв предпочитал обращать внимание руководства на несколько другие темы («... хотя Вы нас и не запрашиваете»), в частности, подробно излагать свои суждения о сотрудниках полпредства и торгпредства. «Рабочая обстановка в полпредстве к моменту нашего прихода явно плохая и нездоровая, — писал он в ноябре 1939 г. — “Вековая” склока, антипартийная по своей сути вражда между торгпредом и полпредом отражалась на всех участках работы. Отсутствовал необходимый здоровый контакт в работе, сотрудники ориентировались на совершенно мелочные ненужные, склочные и вредные по своей сути делишки и вопросишки узко “принципиальные” с бытовой стороны (вопросы “машины”, “дачи”, “мебели” и пр.). Это отнимало много времени и приводило к общей расхлябанности и недисциплинированности. Нас как новых сотрудников вместо деловой ориентировки полпред сначала явно пытался натравить на торгпреда Краснова, парторга Цуканова и на их, как он выразился, “приспешников”»¹⁸. В Москве на это сообщение не отреагировали. Минуло семь месяцев, и в апреле 1940 г. Бочкарёв направил руководству более пространное шестистраничное послание по данному вопросу за подписью всех сотрудников резидентуры. «Наблюдая за выполнением дипломатической работы полпреда, у нас сложилось убеждение в том, что несмотря на чрезвычайно возросший объем вопросов, связанных с реализацией пакта... разрешение всех этих вопросов поставлено на самотек, — писал глава резидентуры. — <...> Внутренняя оперативная работа полпредства предоставлена тому же самотеку, в связи с этим задерживается выполнение текущей работы отдельными сотрудниками... Его отношение и оценку перед вышестоящими организациями работников полпредства мы не можем квалифицировать иначе как грубо клеветническую...

¹⁷ Ibid. L. 169–170.

¹⁸ Рапорт В. Бочкарёва П. М. Фитину. 9.11.1939: Ibid. L. 16.

мы советуем посмотреть дневники полпреда и Вы убедитесь, что его клеветнические измышления распространяются на всех сотрудников полпредства»¹⁹.

Сохранившаяся переписка отражает приоритетные задачи, которые ставились перед таллинской резидентурой руководством 5 отдела ГУГБ. На некоторые из этих задач в научной литературе внимание не обращается. Определённо неожиданностью для советской стороны после ввода войск в Эстонию стало наличие на временных сельскохозяйственных работах более 3500 белорусов из Виленской губернии, т. е. польских граждан. Резидентуре и полпредству, «согласно указаниям центра», пришлось заниматься их эвакуацией на родину, что потребовало принятия ряда мер «по охране от проникновения в их среду нежелательных элементов». К этим мерам относилось визирование паспортов после проверки их и «разговора с каждым белорусом», который проводил лично Валентин Рябов («Рене»). Кроме того, сообщал Бочкарёв, «перед посадкой в вагон мы группируем их по уездам, в каждом вагоне назначается староста, который знает своих людей и наличие чужого человека не пройдет незамеченным. В Валгах у нас оставлен небольшой актив из наиболее политически грамотных людей, которые помимо организационной помощи, проводят элементарную агентурную работу по освещению состава людей»²⁰.

Исключительное внимание руководство требовало от резидентуры проявить в отношении деятельности Национально-трудового союза нового поколения, группы и ячейки которого в Эстонии проявляли большую активность, поддерживали связь с центром НТСНП в Белграде (в одном из писем приводились имена 18 человек, подавляющее большинство которых не по своей воле ушло из жизни в 1940–1941 г. Хотя запрос из центра по этому вопросу был сделан в начале ноября, ответа из резидентуры не последовало. Вторично к этой теме в Москве вернулись в конце февраля 1940 г.: «По нашим данным НТСНП начинает активизировать свою работу, произведена чистка организации от подозрительных элементов, большие надежды возлагаются на возможность работы среди советских войск в Прибалтике. Предполагается использовать контакт населения с красноармейцами, для чего агенты НТСНП под видом местных жителей будут подставляться к красноармейцам и вести среди них работу, причем считают, что работать будет легко, так как сов. Властям будет трудно оградить красноармейцев от общения с населением»²¹. В Москве желали иметь информацию о довольно широком круге лиц, особенно редакторах и корреспондентах газет и журналов. Так, 19 марта 1940 г. от резидентуры потребовали: «Вам необходимо собрать полные

¹⁹ Рапорт В. Бочкарёва, П. М. Фитину. 13.4.1940: Ibid. L. 268–271.

²⁰ Ibid. L. 18.

²¹ Письмо П. М. Фитина В. Бочкарёву. 22.2.1940: Ibid. L. 144.

характеристики на все важнейшие газеты и журналы, издающиеся в Эстонии, включив в характеристики такие данные, как направление газеты, тираж, история издания, значение, кто редактирует и т. д. Наряду с этим необходимо также составить характеристики на редакторов и видных корреспондентов этих газет»²². Помимо этого, руководство ГУГБ НКВД запрашивало и информацию о деятельности евразийцев в Эстонии, которые осуществляли переброску контрреволюционной литературы в СССР. В связи с этим резидентура должна была собрать информацию о некоем Пейне, проживавшем около Нарвы, и Леониде Михайловиче Столбашинском, у которого «в Латгалии были фермы на границе» и который «был связан с местными контрабандистами и переходил с ними границу несколько раз»²³.

Явно неожиданным для таллинской резидентуры был запрос в отношении поэта Игоря Александровича Северянина, но поскольку в то время тот жил в Риге, резидентура не смогла удовлетворить этого интереса руководства.

Сохранившиеся документы свидетельствуют о крайней озабоченности в Москве воздействием хода Советско-финляндской войны на настроение различных слоев эстонского общества, поскольку в этот период довольно резко, по наблюдениям резидентуры, усилилась работа правительственных и ряда общественных структур по обработке населения в националистическом духе, чему способствовало распространившееся мнение, «что рано или поздно Советский Союз выступит против независимости Эстонии». Бочкарёв сообщал в Москву, например, что «Союз эстонских студенческих обществ широко распространяет сейчас листовки с лозунгами “Будущее Эстонии создано на национализме”. <...> По линии министерства просвещения и пропаганды — стремление ограничить распространение русского языка, советской культуры... Выдвинут лозунг о том, что “от немецкого влияния мы освободились, теперь не нужно допускать русского”. <...> Большая работа проводится министерством пропаганды по обработке населения Печерского края, состоящего преимущественно из русских. Туда посланы специальные агитационные бригады, поскольку там постоянно существует вражда между русским и эстонским населением. <...> Массовым порядком распространяются клеветнические, невероятно фантастические слухи о бойцах и командирах РККА. Большинство лояльно настроенного к нам населения постепенно выселяется из районов баз»²⁴.

Информация, поступающая из резидентуры, первоначально вызывала явное беспокойство. Ещё в январе Бочкарёв в «Практическом плане по работе против

²² Письмо П. М. Фитина В. Бочкарёву. 19.3.1940: Ibid. L. 195.

²³ Ibid. L. 223.

²⁴ Рапорт В. Бочкарёва П. М. Фитину. 12.3.1940: Ibid. L. 178–180.

белофиннов» предлагал «провести немедленную вербовку 30–40 человек из числа эстонцев, финнов и русских, желающих помочь Красной армии. Вербовку провести из предварительно изученного нами консульского приема, бывших в республиканской Испании эстонцев и последующих наводок от завербованных»²⁵. Однако заключение мира с Финляндией породило в Эстонии ту реакцию, которая в Москве не могла не восприниматься с явным облегчением. В конце марта эту реакцию Бочкарёв характеризовал так: «Правительственные круги встретили извещение о мире с большой растерянностью. Лайдонер и Юримаа в узком кругу выражали свое неудовольство и разочарование по поводу капитуляции финнов, считая, что в связи с этим надежды на скорейшее освобождение Эстонии от заключенного с СССР пакта потерпели поражение... Такую же точку зрения выражает открыто руководящий военный состав и “кайцелиты”²⁶ ... Средний состав государственных чиновников, рассматривающий пакт как постоянно утвердившееся явление расценивают заключенный мир положительно»²⁷.

Переписка отражает отчасти те приемы, к которым прибегали для получения информации, при вербовке агентуры. Судя по всему, к прямому подкупу в резидентуре прибегали исключительно редко, прежде всего в силу ограниченных ресурсов. Сотрудник 5 отдела ГУГБ Чернонебов в конце 1939 г. в служебной записке просил одобрить для таллинской резидентуры 1000 руб. на оперативные расходы (икра, водка, папиросы)²⁸. Запрос был удовлетворён, в конце декабря резидентуре были посланы для оперативных нужд четыре банки зернистой икры, 10 литров водки и 35 пачек папирос²⁹. Уже 9 января 1940 г. Бочкарёв информировал руководство о пересылке протоколов заседания 5-й сессии Государственной думы Эстонии по вопросу принятия дополнительного бюджета, которые в прессе не публикуются и которые удалось достать «через генерального секретаря парламента Мадиссо, в результате некоторых водочных подарков»³⁰.

В основном документы о работе таллинской резидентуры касаются большого числа мелких вопросов, как-то: восстановление связей со старой агентурой, выяснение биографических данных по запросам центра (как правило, на основе консульских материалов). Попытки дать характеристику т. н. политической физиономии того или иного деятеля сводились к простейшим констатациям: хитрец, пройдоха, транжира, любит выпить или нет, много курит или нет, тогда как собственно политические взгляды оказывались для адресата рапорта

²⁵ Ibid. L. 100.

²⁶ Kaitsepolitsei (охранная полиция) была учреждена 12 апреля 1920 г.

²⁷ Рапорт В. Бочкарёва П. М. Фитину. 23.3.1940: Ibid. L. 203.

²⁸ Рапорт Чернонебова Фитину. б. д.: Ibid. L. 95.

²⁹ Письмо П. М. Фитина В. Бочкарёву. 29.12.1939: Ibid. L. 98.

³⁰ Ibid. L. 99.

неизвестными. Получаемая в Москве информация из полпредства и торгпредства на этом фоне смотрится значительно более информативной.

Список литературы

Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. — август 1940 г. Москва : Международные отношения, 1990. — 540 с.

Ilmjärv, M. Hääletu alistumine. Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsiooni kujunemine ja iseseisvuse kaotus. 1920. aastate keskpaigast anneksioonini / M. Ilmjärv. — Tallinn : Argo, 2004. — 987 s.

Sõja ja rahu vahel. Eesti julgeolekupoliitika 1940. aastani. Tallinn : MTÜ S-Keskus; 2004. — 565 s.

Sõja ja rahu vahel. Esimene punane aasta. Okupeeritud Eesti julgeolekupoliitiline olukord sõja alguseni. — Tallinn : MTÜ S-Keskus; 2010. — 798 s.

Rosenthal, R., Tamming, M. Sõda enne sõda. Nõukogude eriteenistuste tegevusest Eestis kuni 1940. aastani / R. Rosenthal, M. Tamming. — Tallinn : Kirjastus SE&JS, 2013. — 783 s.